

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА

С.С. Мельников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

В статье анализируется генезис современного политического юмора и определяется его место в системе духовных отношений общества. Исследуется то, как при постепенном переходе от традиционного общества к обществу модерна сформировалась общественная потребность в осмыслении социальных отношений посредством юмора. Отмечается, что юмор по своей сути представляет собой социокультурное явление. Подчеркивается, что юмор, сформировавшийся в Новое время, принципиально отличается от юмора предыдущих эпох своей рефлексивностью. Новый тип юмора затронул и политические отношения, одним из средств осмысления которых стала смеховая культура рефлексивного типа. В ходе исследования было установлено, что юмористическое отображение политики оказалось возможным благодаря законодательному закреплению прав и свобод личности как части современной политической культуры. Эмансипировавшаяся личность, в свою очередь, предъявляет политическому институту более сложные ожидания и острее испытывает неудовлетворенность ими, так как государственные власти зачастую принимали решения, не соответствующие её представлениям о должном. Для индивида как суверенного субъекта права политический юмор стал своеобразной социально-психологической компенсацией. Таким образом, автор акцентирует внимание на том, что социальный агент, выступающий с подобной реакцией, сформировался во второй половине XIX - начале XX вв. благодаря распространению печати и получил социологическую концептуализацию как «публика». Именно публика стала ключевым агентом юмористической рефлексии относительно политического института. Исследованием случая, обосновывающим применимость сформулированной теории к практике, является пример включения конкретного юмористического жанра политической карикатуры в общественный дискурс на Западе и в России.

.....

Ключевые слова: политический юмор, рефлексия, традиционное общество, современное общество, публика, политическая карикатура.

В XXI в. юмор, посвящённый политике и политикам, представляется привычным элементом коммуникации в масс-медиа и Интернете. Вместе с тем, существующие исследования в сфере социологии дают лишь частичный ответ на вопрос о вызревании политического юмора в системе духовных отношений общества. Ведь юмор, как социокультурный феномен, не эманурует всецело из политической сферы.

На сегодняшний день политическому юмору посвящён ряд монографий: в постсоветской России первой была книга известного социолога и философа А.В. Дмитриева «Социология политического юмора» (1996). В ней были поставлены многие важные вопросы, но структура её – дискретная совокупность очерков. Монография политолога В.В. Разуваева «Политический смех в современной России» (2002) отличается историческим подходом и богатым фактическим материалом, однако вопрос о природе политического смеха ставится в ней без исследования социокультурного генезиса данного явления. В многочисленных западных монографиях по социологии смеха и юмора главы о политическом юморе встречаются часто, но вопрос о социальных и исторических предпосылках этого феномена также специально не поднимается.

Для понимания того, как институционализировался политический юмор, необходимо, представляется, рассмотреть как механизмы социального функционирования юмора в целом, так и перемены в них в условиях этого функционирования, произошедшие при переходе от традиционного общества к современному.

Юмор в системе духовных отношений общества

Юмор и смех глубоко укоренены в общественной жизни. «Смех должен иметь общественное значение», – писал французский философ Анри Бергсон [1, с. 13]. Он понимал под «смехом» всю сферу «смешного», «комического», «юмористического». На наш взгляд, понятие «юмор» шире. Уже словарное определение юмора описывает его как сложно устроенный социокультурный феномен – «понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь» [7]. С нашей точки зрения, в пространстве общественных отношений юмор являет собой элемент духовных отношений, в рамках которых осмыслению подвергаются прочие виды общественных отношений. Наиболее значимо в систему социальных отношений их поместил Карл Маркс: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [15, с. 7].

К сфере духовных отношений относятся все виды совместной деятельности по обсуждению, анализу и прогнозированию социальных реалий, будь то общение избирателей, научная дискуссия или производство художественных

образов. Эти моменты можно объединить в термине «рефлексия». В существующем научном дискурсе он относится скорее к индивидуальному уровню анализа, и в словарных статьях определяется как «преднамеренное отслеживание своей деятельности с целью лучшей адаптации к меняющейся социальной среде» [11, с. 616]. Или, как писал социолог Карл Маннхейм: «Рефлексивность ... является обращением луча наблюдения или действия на самого себя с целью самопреобразования». [14, с. 296]. Не столь важно, предпринимается ли рефлексия в целях адаптации или самопреобразования. Важно здесь то, что она включает в себя совместное с другими осмысление индивидом общественной жизни данной группы и его роли в ней. Подобному осмыслению подвергается общественная жизнь социума в целом. Его уместно назвать общественной саморефлексией – в том числе и в случае осуществления осмысления в рамках определенных институтов производства и пространства политического юмора.

Современное состояние изучаемого нами явления таково, что юмористические произведения, раскрывающие девиантную картину тех или иных политических реалий, множатся. Вспомним, например, весьма популярный британский сериал «Да, премьер-министр», в котором осмеянию подвергались сами основы западной демократии. Значит, юмор в современной популярной культуре, политический в том числе, не выполняет своего функционального предназначения – способствовать закреплению социальных отношений? Ответ на этот вопрос возможен при изучении восприятия юмористических произведений реципиентами, что требует отдельного научного исследования. Пока же стоит определиться с тем, как и когда юмор стал инструментом осмысления социально-политической действительности.

Генезис общественной потребности в осмыслении социальных отношений посредством юмора

Переходя к генезису юмора, обусловленному тем, что российский культуролог Л. В. Карасёв называл «смех ума» [8, с. 18], следует отметить, что в известной степени он противоположен ритуальному и привычному смеху. По своей природе рефлексия креативна, поэтому корни рефлексивного юмора стоит искать в мифологическом образе трикстера – смехового персонажа, «присутствующего во всех известных мифах и мифологических циклах мира... В ситуации тотального коллективизма и первобытной общинности трикстер выказывает резко индивидуалистические черты. Основные характеристики трикстера — хитроумие, притворство, плутовство, шутовство, зачастую глупость» [6, с. 16].

Трикстерами были древнегреческие герои Гермес и Прометей, персонаж скандинавской мифологии Локи, «образы, встречающиеся в

фольклоре и известные всему миру по сказкам: Мальчик-с-пальчик, Глупый Ганс» [27, с. 338]. «Проделки» трикстера – источник смеха для тех, кто слушает или читает истории о нём. Из легендарного персонажа он стал важным звеном в иерархии традиционных обществ. Карл Густав Юнг полагал, что трикстер был «источником развлечений вплоть до времен цивилизации, где его всё ещё можно узнать в карнавальном образе Пульчинеллы и шута» [27, с. 348].

Шутовство, в свою очередь, не было атрибутом лишь европейской цивилизации. Оно – часть традиции как таковой, локализованной в пространстве жёсткой социальной стратификации. «В монархиях юмор институционализировался в форме выступлений придворных шутов, позволяя им насмехаться над правителем и придворными, чего не было бы позволено никому другому. Многие религии прославляли фигуру шута или дурака. В исламе это Насреддин. В Русской православной церкви канонизировано три десятка юродивых» [28, с. 47]. Пример социолога Дж. Морриала с юродивыми указывает на то, что российский юмор также коренится в определённых общественных условиях. Коллективная работа исследователей русской культуры во главе с Д.С. Лихачёвым это подтверждает: книга «Смех в древней Руси» начинается с констатации того, что «древнерусский смех относится по своему типу к смеху средневековому» [12, с. 7]. Не отрицая того, что национальные черты и особенности эпохи накладывают отпечаток на содержание юмора, авторы делают акцент на общности формы средневековых произведений: «снижение своего образа, саморазоблачение типичны для средневекового и, в частности, древнерусского смеха» [12, с. 7].

Голландский социолог Э. Зейдервельд в монографии, посвящённой социальным предпосылкам шутовского юродства в традиционном обществе, рассматривает «традиционную глупость» как антипод рациональности, как мировоззрение, противоположное ей [31]. Переход традиционной глупости в качественно новое состояние Зейдервельд относит к XVI в., когда началась её «структурная дифференциация». «Глупость постепенно начала институционализироваться и превращаться в профессию в невиданных доселе масштабах. Она становилась профессиональной, например, благодаря появлению института в Западной Европе придворных шутов... В то же самое время дурак стал сценической ролью, исполняемой специализированными актёрами» [30, р. 23–24]. Эти и другие изменения в духовной сфере детерминированы обозначившимся фундаментальным переходом от традиционного общества к современному, важным признаком которого является начало приобщения многих рядовых индивидов к рефлексивности относительно жизни: и микрогрупповой, и более сложной.

Переход затронул не только смеховую культуру. По Макс Веберу, именно рациона-

лизация различных сфер общественной жизни является тем основополагающим элементом, который отличает современный социум от традиционного. Наука с её рациональным способом доказательства и рациональными экспериментальными методами, рациональная гармоническая музыка и «государство как политический институт с рационально разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила» [Вебер 1990, с. 44] – вот черты, исключительно присущие западному модерну. В иных терминах столь же определённо противопоставлял два типа социума и Фердинанд Тённис: «община» и «общество». Современные его исследователи выделяют три основные характеристики типичного представителя «общества»: «индивидуальный выбор, оценка обстоятельств и расчёт» [22, с. 98]. Эти несколько абсолютизированные черты мы далее конкретизируем применительно к становлению современного общества на уровне политических, коммуникационных и культурных институтов.

Генезис общественной потребности в осмыслении политических отношений посредством юмора

М. Вебер выделял три типа политического господства, или «внутренних оправданий» [Вебер 1990, с. 645] легитимности власти: традиционное, харизматическое и легальное. Последнее является типичным (но не универсальным) основанием власти в государствах модерна. Легальное господство происходит в силу «веры в обязательность легального установления и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами» [3, с. 646]. Исследовательский дискурс позднего Нового времени рационально деконструировал устройство и функционирование власти, при этом у индивидов и социальных групп появились инструменты не просто для понимания, но и для политического действия.

Корни высвобождения политического сознания вполне уместным представляется искать в гуманистическом идеале Возрождения с его утверждением относительной автономии человеческой личности. Вместе со становлением ценности личности началось освобождение европейского общества от теологических догм – процесс Реформации и последовавшая за ней рационализация хозяйства, социальной и духовной жизни. В новых условиях с неизбежностью возник вопрос о том, на каких основаниях личности сосуществуют в пространстве одного государства. Вследствие этого возникли концепции общественного договора, с помощью которых «объяснялись как причины возникновения государства, так и легитимность государственной власти» [7, с. 169].

О справедливом устройстве общества рассуждали крупные английские философы Томас Гоббс и Джон Локк, французские просветители. Именно последние объявили права и свободы

конкретной личности высшими по отношению к государству. Во французской Декларации прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием 26 августа 1789 г., читаем: «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [24].

Одним из базисов личной свободы у просветителей служит свобода слова и свобода печати, что, среди прочего, подразумевает возможность выражения своих идей в юмористической форме. Тем не менее, свобода слова выполняет инструментальную роль по отношению к возможности избирать и быть избранными. Француз Шарль Монтескье, впервые сформулировавший концепцию разделения властей, полагал, что «народ является государем только в силу голосований, которыми он изъявляет свою волю. Поэтому основными для демократии он считает законы, определяющие право голосования» [7, с. 371]. Его современник и соотечественник Жан-Жак Руссо, в свою очередь, вводит понятие «народный суверенитет», то есть признает народ единственным источником власти. Однако Руссо призывает различать две «ипостаси» индивида – член гражданского общества и гражданин государства.

С одной стороны, утверждает Руссо, народ имеет полное право на то, чтобы общественный договор с государством, более не удовлетворительный, мог быть расторгнут. С другой стороны, мыслитель акцентирует внимание на том, что жизнь гражданина находится во власти государства, с которым он юридически связан. «Когда государь говорит ему: «Для государства необходимо, чтобы ты умер», – он должен умереть, так как только под этим условием он жил до сих пор в безопасности и так как жизнь его не есть уже только благодеяние природы, но условный дар государства» [20, с. 29]. Выходит, что параллельно с процессом освобождения индивидуальной и общественной воли, в XVII-XIX вв. происходит процесс утверждения государства как единственного и, при определённых условиях, непререкаемого источника власти и силы.

Действительно, один из центральных моментов европейской цивилизации Нового времени – движение к сильному государству, задача которого по охране закона и порядка считалась основополагающей. М. Вебер сжато обозначает этот признак: «монополизация легитимного физического насилия как средства господства» [2, с. 650]. Государства нет там, где нет аппарата принуждения и, по большому счету, граждане с их свободами есть оппоненты государства с его инструментами зависимости. Конечно, онтологически государство не находится в конфликте с гражданами – две общности связаны сложной цепью взаимозависимостей. Даже Никколо Макиавелли, именем которого названа политика пренебрежения всяческими нормами морали,

писал о том, что задача государя – завоевать расположение подданных [13].

Появление сильных неавторитарных государств Нового времени во многом объясняется их эманацией из «буржуазных революций» Нидерландов (1566–1609), Англии (1640–1660), США (1775–1783) и Франции (1789–1794). В странах, не прошедших подобных революций, резонанс от упомянутых событий, несомненно, оказал влияние на государственно-политическое устройство и представления образованных граждан. Но буржуазные революции были инспирированы идеалами общественного прогресса и справедливого, рационального порядка. Сильное государство должно было защитить плоды революции, но сами плоды по своей природе были демократическими, а не авторитарными.

«В то время термин “революция” ещё в значительной степени сохранял своё прежнее значение, “движение по кругу”. Американские и французские лидеры действительно верили, что они “возвращаются” к естественному порядку вещей», – писал английский социолог Энтони Гидденс [4, с. 569]. Следствием революционных изменений стали рациональная организация государственной власти, верховенство закона, интенсивная представленность политических сюжетов в печати и зарождавшейся популярной культуре, а также формирование представления о ширившихся возможностях индивидуального политического участия. Это не могло не создать среди граждан определенной совокупности ожиданий от политической сферы. Как было действовать гражданину или группе граждан, когда эти ожидания не оправдывались? Важный инструмент институционализации недовольства – демократические выборы. Однако они имеют место с известной периодичностью и касаются политического института в целом. Недовольство же граждан нередко возникает по поводу действий конкретных политиков или их групп, за неудовлетворительной деятельностью которых рядовые избиратели не могут разглядеть системных причин.

На протяжении XVIII-XIX вв. в западной цивилизации формировался социальный субъект, систематически аккумулировавший и концентрированно выражавший недовольство, одобрение и любую другую широкую реакцию. Французский социолог Г. Тард назвал этот субъект публикой, определив её как «рассеянную толпу, в которой влияние умов друг на друга стало действием на расстоянии, всё возрастающих» [21]. По мнению Г. Тарда, изобретение книгопечатания и высокая популярность периодической прессы соединили множество индивидов в специфическую социокоммуникативную общность, которую объединяет «одновременность убеждения или увлечения, сознание, проникающее каждого, что эта идея или это желание разделяется в данный момент огромным количеством других людей» [21].

Публика – духовная совокупность индивидов, не всегда социально-структурно близких, но придерживающихся схожих картин мира, что может сказываться на их социальной деятельности. Политика, связанная с актуальными интересами членов подобной публики, согласно Тарду и есть та сфера, которая катализирует рождение общественности посредством приобщённости к печатной продукции. «Во второй половине XVIII в. зарождается политическая публика и вскоре, разлившись, поглощает, как река свои притоки, все другие виды публики — литературную, философскую, научную» [21]. В Российской империи вплоть до начала XX в. в силу отсутствия разделения властей и пространства для общественной дискуссии (во многом из-за строгой цензуры публицистики и публичных выступлений), не могло выкристаллизоваться общности граждан, обсуждавших политику.

Историческое формирование публики, в том числе юмористических произведений политической тематики, по-новому ставит вопрос об адаптации гражданских общественностей к системному несовпадению заявленных целей и достигнутых результатов политики, национальной, региональной и местной. В.В. Разуваев даёт такой политологический ответ: «часть граждан впадает в политическую апатию, часть переходит к радикальной критике существующего порядка, но большинство ищет политической и социальной компенсации» [18, с. 31]. Эта компенсация осуществляется посредством, в том числе, восприятия политического юмора, который, согласно А.В. Дмитриеву, служит «относительно безопасным высвобождением накопившейся агрессивности по отношению к высшей власти» [5, с. 300]. О том, что содержание острот и шуток во многом определяется вытесненными в подсознание агрессивными желаниями, писал и Зигмунд Фрейд [26]. В развитие тезиса Дмитриева предположим, что упомянутой компенсации наиболее способствует юмор, отражающий стороны политического института и наименее понятные обывателю, и вызывающие его наибольшее недовольство.

Институционализация политической карикатуры

Анекдот, эпиграмма, памфлет, карикатура – юмористические жанры, известные, по меньшей мере, с античности, но свою политическую специализацию получившие в течение XVII-XIX вв. Подробнее остановимся на изобразительном жанре. Так, в Древней Греции и Риме можно найти карикатуры на богов, но не на политических деятелей, несмотря на то, что у Аристофана, Ювенала и Горация присутствуют элементы литературной политической сатиры [Morreall 2009]. Век Ренессанса был богат на комические изображения реальности, содержавшие скорее критику общественных нравов, чем сатиризацию политики. Описана, например, карикатура «Битва женщин из-за штанов», которая «просто

и остроумно осмеивает женскую приверженность к мужскому платью, сильно развившуюся в то время» [27, с. 31-32].

Впервые инструментом политической борьбы карикатура стала во времена Реформации: «карикатура становится оружием как папы, так и сподвижников Лютера» [16, с. 18]. Собственно политическая карикатура без религиозного подтекста впервые стала повсеместной в Нидерландах, чему способствовала учреждённая после революции XVII в. республика с её относительно терпимым отношением к художественным фривольностям. Политическая карикатура затмила общественную, чему «немало способствовали иностранные художники, в большом числе укрывавшиеся в Голландии от преследования на родине» [27, с. 46]. Иными словами, на голландских карикатурах изображались политические фигуры других стран.

Вероятно, первой страной, где институционализация политической карикатуры была вызвана поиском политической компенсации, оказалась Франция. Так, в 1787 г. открыто был осмеян министр финансов Шарль Калонн, среди прочего, созвавший нотаблей для приказания им собрать деньги в пользу королевского двора. Министра изобразили в виде обезьяны в одежде повара, созвавшей к себе птиц, чтобы спросить, под каким соусом они хотят быть съеденными. XIX в. в Европе стал веком сатирических журналов, в которых карикатуры на политиков своих и иных стран публиковались регулярно. Во Франции это были *La Caricature* и *Le Charivari* [27]. В Британии на карикатурах, в том числе и политических, специализировался журнал *Punch*.

Предпосылками становления карикатуры в Европе можно назвать усложнение взаимоотношений власти и общества, а также становление демократических институтов, включая популярную прессу. Пусть формально карикатура XVIII-XIX вв. во многих случаях представляла собой скорее фарс, чем сатиру, но оба жанра – продукты рефлексии создателей относительно положения в социальной структуре их собственной группы или групп, интересы которых они представляют и отображают. Чувство неудовлетворённости этим положением рождало художественный протест, который предположительно оказывал определённое воздействие на представления реципиентов и опосредованно – на представления политиков об общественных настроениях.

В России политическая карикатура, в отличие от бытовой, практически не была институционализирована в силу неконкурентного характера российского политического процесса. Те произведения, которые всё же создавались, принадлежали перу граждан-любителей, что не умаляло рефлексивности и иносказательности работ. Так, «карикатуристы и журналисты популярного журнала «Искра» в 1860-е гг. прибегали к эзопову языку, чтобы показывать свой взгляд на проблемы внутренней и внешней политики [16, с. 146]». Впрочем, в революционный 1905 г.,

■ Социология

по словам историков карикатуры, «словно провало какой-то заслон, и общество почувствовало мощь изобразительной критики, которая тут же была прикрыта» [16, с. 70].

Речь, судя по всему, идёт о Манифесте 17 октября 1905 г., провозгласившем свободу слова. С поражением революции манифест стал формальностью. Недаром с 22 октября по 2 декабря 1905 г. в Петербурге и Москве возбуждено 92 судебных преследования по делам печати [19]. С приближением 1917 г. политические карикатуры стали более частым явлением. Так, к 1916 г. относится частично опубликованная серия известного карикатуриста Дмитрия Моора «История одного царствования», посвящённая Николаю II [16, с. 70]. Впрочем, в канун революции политическая карикатура (как и другие юмористические жанры) уже не могла канализировать накапливавшееся недовольство граждан и властью, и своим социальным положением.

В советский период карикатура стала частью официального дискурса, ориентированного на массовую аудиторию. За высказыванием первого наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского: «В борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно» [6, с. 273] последовало создание массива карикатурных плакатов, удобных для рецепции среднестатистического зрителя («Окна РОСТА», В. Маяковский, упомянутый Д. Моор, В. Дени, М. Черемных, Кукрыниксы). Во время Великой Отечественной войны возможности сатирического плаката активно использовались для борьбы с противником. И в последующее время, вплоть до перестройки, государственная поддержка официальной политической карикатуры была заметна. Так, на выставке «Сатира в борьбе за мир» в 1983

г. «было представлено более 800 произведений карикатуристов из 33 стран» [6, с. 275].

Начиная с 1990-х гг., политическая карикатура оказывается на периферии общественного внимания во многом из-за того, что возросло значение «политических шуток и представлений в комедийных программах по телевидению» [6, с. 276], а затем и по Интернету, позволяющему распространять комические сюжеты, связанные с применением мультимедиа. Важно отметить и то, что в последние десятилетия начал формироваться новый тип рефлексивной рациональности, который С.А. Кравченко назвал «играизацией» [19–10]. Играизированный индивид, для стиля жизни которого характерен «парадоксальный синтез серьёзного и потешного, реального и виртуального» [19–10, с. 592], не склонен к рецепции классических карикатур или юмористических зарисовок.

В последнее время становятся популярными новые жанры интернет-коммуникации, сочетающие в себе вербальные и визуальные компоненты, как, например, демотивационные постеры (демотиваторы). Они содержат в себе следующие элементы: изображение-иллюстрацию в рамке, заголовок, набранный крупным шрифтом и набранный мелким шрифтом текст, раскрывающий идею заголовка [23]. Как отмечают исследователи нового феномена, «демотиваторы часто приобретают черты анекдота, афоризма, пародии» [23, с. 81], то есть выражены в юмористическом ключе. Некоторые из демотиваторов касаются актуальной политической повестки дня и, в известной мере, продолжают традицию политической карикатуры, представляя собой гибридный жанр, адаптированный к качественным переменам общественного сознания.

Список литературы

1. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 43-271.
4. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
5. Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. М.: РОССПЭН, 1998. 332 с.
6. Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Смех: социофилософский анализ. М.: Альфа-М, 2005. 594 с.
7. История политических и правовых учений. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению "Юриспруденция" / В. Г. Графский и др.. Общ. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Норма, 2006. 933 с.
8. Карасёв Л.В. Философия смеха. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 222 с.
9. Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. т. 1. Классические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 584 с.
10. Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 636 с.
11. Кравченко С.А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013. 914 с.
12. Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
13. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.
14. Маннхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 538 с.

15. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс Ф. Энгельс // Сочинения (2-е изд.) Т. 13. М.: Изд-во политической литературы, 1959. 804 с.
16. Москин Д.Н. Краткая энциклопедия карикатуры. Петрозаводск: Издательский Дом «ПетроПресс», 2000. 208 с.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
18. Разуваев В.В. Политический смех в современной России. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. 262 с.
19. Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Курс лекций. 2006. Режим доступа: <http://reifman.ru/soderzhanie/> (дата обращения: 10.05.2014)
20. Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. Кн. II, гл. V. М.: Соцэкгиз, 1938. 123 с.
21. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Изд-во Т-ва типографии А. И. Мамонтова, 1902. Режим доступа: <http://uf.kgsu.ru/lib/> (дата обращения 10.05.2014).
22. Филиппов А.Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Социологическое обозрение, 2008. Т.7. №1. С. 96–117.
23. Фокина М.А. Демотиваторы в России и США: новые жанры интернет-коммуникации в глобализирующемся мире // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, 2012. № 20. С. 74-85.
24. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. Перевод с французского / Сост.: Маклаков В.В., Энтин В.Л.; Под ред. и со вступ. ст. Туманов В.А. Пер.: Маклаков В.В., Пучинский В.К., Энтин В.Л. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
25. Декларация прав человека и гражданина // Викитека. Режим доступа: http://ru.m.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_человека_и_гражданина (дата обращения: 10.05.2014).
26. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб-М.: Университетская книга, 1997. 319 с.
27. Швыров А.В. Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1903. 404 с.
28. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для детей и юношества, 1996. 394 с.
29. Morreall, J. Comic Relief: a Comprehensive Philosophy of Humor. Singapore, Wiley-Blackwell, 2009. 209 p.
30. Parton, J Caricature and Other Comic Art in all Times and Many Lands. New York: Harper & Brothers Publishers, 1877. 340 p.
31. Zijderveld, A. Reality in a Looking-Glass: Rationality through an Analysis of Traditional Folly. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982. 199 p.

Об авторе

Мельников Сергей Сергеевич – аспирант кафедры социологии МГИМО (У) МИД России.
E-mail: xmelnikov@gmail.com

THE INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL HUMOR AS A FORM OF REFLECTION

S.S. Melnikov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The paper analyzes the genesis of modern political humor and determines its position in the system of spiritual relations in society. The formation of the need to comprehend social relations by means of humor during progressive transition from traditional to modern society is investigated. We note that humor is essentially a social phenomenon. A fundamental distinction between humor formed in the modern period and humor of previous times is the presence of reflexivity. New kind of humor has also dealt with political relations began to be interpreted by means of humor culture. In the course of research we found that comic interpretation of politics became feasible due to the legislative fixation of individual rights as a part of modern political culture. The emancipated personality demonstrates more complicated expectations to a political institute and experiences acute dissatisfaction as state authorities have often made decisions not appropriate to such expectations. For the individual as sovereign entity political humor became a sort of social and psychological compensation. An author pays attention to the fact that the social subject having shown such a reaction was formed during the second half of XIX and the beginning of XX centuries because of the dissemination of the print*

media and was named «the audience». The audience became a key agent of humorous reflection about the political institute. As a case that grounds the applicability of this theory to the practice the paper considers the example of inclusion of specific comic genre (political caricature) in the social discourse in the West and in Russia.

Key words: political humor, reflection, traditional society, modern society, audience, political caricature.

References

1. Bergson A. 1992. Smeh [Laughter]. Moscow, Iskusstvo Publ. 127 p.
2. Weber M. 1990. Politika kak prizvanye I professiya [Politica as a vocation and as a profession]. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Progress Publ. 808 p.
3. Weber M. 1990. Protestantskaya etika I duh kapitalizma [Protestant ethic and the spirit of capitalism]. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Progress Publ. P. 43-271.
4. Giddens A. 2005. Sociologiya [Sociology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 632 p.
5. Dmitriev A.V. 1998. Sociologiya politicheskogo yumora: Ocherki [Sociology of political humor: Essays]. Moscow, ROSSPAN Publ. 332 p.
6. Dmitriev A.V., Sychev A.A. 2005. Smeh: sociofilosofskiy analiz [Laughter: social and philosophical analysis]. Moscow, Al'fa-M Publ. 594 p.
7. Istoriya politicheskikh I pravovykh ucheniy. [A history of political and legal theories]. Textbook / V.G. Grafskiy; Ed. by V.S. Nersesyants. Moscow, Norma Publ., 2006. 933 p.
8. Karasev L.V. 1996. Filosofiya smeha [The philosophy of laughter]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ. 222 p.
9. Kravchenko S.A. 2014. Sociologiya [Sociology]. Tom 1. Klassicheskiye teorii cherez prizmu sociologicheskogo voobrazheniya [Vol. 1. Classical theories in the light of sociological imagination]. Textbook. Moscow, Yurait Publ. 584 p.
10. Kravchenko S.A. 2014. Sociologiya [Sociology]. Tom 2. Novye I noveyshie sociologicheskie teorii cherez prizmu sociologicheskogo voobrazheniya. [Vol. 2. New and the latest sociological theories in the light of sociological imagination]. Moscow, Yurait Publ. 636 p.
11. Kravchenko S.A. 2013. Sociologicheskii tolkoviy russko-angliyskiy slovar' [The Explanatory Russian-English Sociological Dictionary]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. 914 p.
12. Lihachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. 1984. Smeh v Drevney Rusi [Laughter in the Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ. 295 p.
13. Makiavelli N. 1990. Gosudar' [The Prince]. Moscow, Planeta Publ. 80 p.
14. Mannheim K. 1994. Diagnos nashego vremeni [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist Publ. 538 p.
15. Marx K. 1959. K kritike politicheskoy ekonomii [Critique of political economy]. Sochineniya [Works]. Second ed. Vol. 13. Moscow, Izd-vo politicheskoy literaturi Publ., 804 p.
16. Moskin D.N. 2000. Kratkaya encyclopediya caricatury [The brief encyclopaedia of caricature]. Petrozavodsk: Izdtel'skiy Dom PetroPress. 208 p.
17. Ozhegov S.I. 1990. Slovar' russkogo yazika [Russian dictionary] Ed. by N.Yu. Shvedova. 22d edition. Moscow, Rus. yaz. Publ., 921 p.
18. Razuvaev V.V. 2003. Politicheskii smeh v sovremennoy Rossii [Political laughter in modern Russia]. Moscow, GU-VSHE Publ. 262 p.
19. Reyfman P.S. Iz istorii russkoy, sovetsskoy I postsovetsskoy censury [History of Russian, Soviet and post-Soviet censorship]. A course of lectures. Available at: <http://reifman.ru/soderzhanie/> (accessed: 10.05.2014).
20. Rousseau Jean-Jacques. The Social Contract, Or Principles of Political Right (Du contrat social ou Principes du droit politique; 1762) (Russ. ed.: Russo Zh-Zh. Ob obshchestvennom dogovore ili printsipy politicheskogo prava. Vol. II, Ch. V. Moscow, Sotsekgiz Publ. 1938. 123 p.)
21. Tard G. 1902. Obschestvennoe mnenie i tolpa [Public opinion and the crowd]. Moscow, Izd-vo T-va tipographii A.I. Mamontova, Available at: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc> (accessed: 10.05.2014).
22. Filippov A.F. 2008. Yasnost', bespokoistvo I refleksiya: k sociologicheskoy charakteristke sovremennosti [Clarity, anxiety and reflection: towards sociological description of modernity]. Sociologicheskoe obozrenie, vol.7, no.1, pp. 96-117.
23. Fokina M. A. 2012. Demotivatori v Rossii I SSHA: novye zhanri internet-kommunikatsii v globaliziruyushchey mire [Demotivators in Russia and in the USA: new genres of internet-communication in a globalized world]. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova, no. 20, pp. 74-85.

24. Francuzskaya Respublika: Konstitucia I zakonodatel'nye akty [French Republic: Constitution and legislative acts]. Moscow, Progress Publ., 1989. 448 p.
25. Freud S. 1905. The Joke and Its Relation to the Unconscious (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten). (Russ. ed.: Freyd Z. Ostroumie I ego otnoshenie k bessoznatel'nomu. St. Petersburg, Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 319 p.)
26. Shvyrov A.V. 1903. Illyustrirovannaya istoriya karikatury s drevneyshih vremen do nashih dney [An illustrated history of caricature from the ancient times till today]. St. Petersburg, P.F. Panteleeva Publ., 404 p.
27. Jung K.G. 1996. Dusha I mif. Shest' archetipov. [Soul and myth. Six archetypes]. Kiev, Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya detey I yunoshstva Publ., 394 p.
28. Morreall, J. 2009. Comic Relief: a Comprehensive Philosophy of Humor. Singapore, Wiley-Blackwell Publ. 209 p.
29. Parton, J. 1877. Caricature and Other Comic Art in all Times and Many Lands. New York, Harper & Brothers Publ. 340 p.
30. Zijderveld, A. 1982. Reality in a Looking-Glass: Rationality Through an Analysis of Traditional Folly. London and Boston, Routledge & Kegan Paul Publ. 199 p.

About the author

Sergey S. Melnikov – PhD student, Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations.
E-mail: xmelnikov@gmail.com